Таисия ШАТСКАЯ

ЛЮДИ МОЕЙ ДЕРЕВНИ

ОЧЕРК.

Вы не задумывались над тем, что слова «порядок» и «порядочность» родные слова брат и сестра, и оба из семьи, где живут по закону? Мы привыкли размышлять, в случае, ссылаясь на нормы. Обходят на работу, прогулял, опоздал, нарушил, украл — тут есть нормы подумать. А если никаких конфликтов с законом? Если жизнь складывается так, что дела несложные не требуют права. Но и занятость? Многое ли нужно, чтобы не опоздать, не нарушить, не украсть? И что нужно? Многое ли нужно для того, чтобы считали тебя надежным человеком?

В горняцком поселке Краснобродского района Белово немало людей по фамилии Данилюк: отец — старый машинист экскаватора, слесарь, шофер, два пенсионера, несколько молодых, телефонистка, продавец. Жили вместе: фамилия в школьных журналах. Это отчим и сыновья, дочь и дети. На последней свадьбе их было не то сто двадцать, не то сто тридцать. Стоит посмотреть, как после убирают картошку, сколько едят, потом дергают, как сходятся после этого к домашним заботам, чтобы убедиться: семейный коллектив — сила.

Их уважают, их находятся такие, что очень любят. Иные их сдержанность воспринимают как высокомерие. К тому же Данилюки прямые, не терпят подарков. Но, видно, не упрощают их самих за недостаток старания. Это честные люди. Никто не видел среди них пьяных. Их дома опрятны. Палисадники радуют обилием цветов. Женщины в этих домах свежи.

На «семейных» снимках глава рода Андрей Иванович Данилюк, крупный, видный, с благородным белым чубом, поражает не просто мудрым умным взглядом. Профессор, да и только. Хотя жизнь его Ольга Иванова, что провожала с ним в любви и согласии до самой его смерти без малого шесть десятков лет, уверяет: «Одну зиму в школу ходил». Порядок и порядочность — черты его рода. Порядок и порядочность передал он в наследство шестерым сыновьям и двум дочкам. Здоровый смысл и трудолюбие были им утешениями. Потребовался грамотный человек на должность сельского продавца — его вырастили. Школьные задачи решал своими методами, удивляя учителей точностью. Избирали его председателем колхоза. Когда вернулся с фронта, был колхозным бригадиром.

Второй горный участок Краснобродского угольного разреза. Вот отвал, вот кусты, а вот остатки погребов. Здесь был поселок Карагульный колхоза имени Степана Разина, куда приехали из Томской области и родне Андрей и Ольга с четырьмя малолетними сыновьями (вот-вот должен был родиться ребенок) в поисках лучшей доли. Шел 1949 год.

В ту пору хорошо был принятен присыпанный песком грунт, который старики называли «Ермаковским». Говорили, что Ермак Карагульный вырос на спине благодаря каравану над этим грунтом. Данилюк в такая медвежья встряска. Вот уже на Ольге шесть детей. Вот Андрей и Ольга переселились из Карагульного Данилючьим, на Ольгину родину. Все поселение дружно на угольного разреза, в уступах жутковатого дутного пейзажа которой есть свое загадочное величие.

Первым пришел на угольный разрез отец, тот, как называли его сыновья, Я. Был главным мониторщиком на вскрыше. За ним — пятеро сыновьей все остальные или скоро, или по команде, отслужив в армии. Женились — женились, устраивались работать, на гидротехнике. Когда подвезли в Дань шахтера честновали дядю Данилючкова, водителя: их работой сеяли на Краснобродском угольном разрезе — без малого два с половиной века. Один Степан мешал «дыру». Он старший, у него на войны особая судьба.

СТЕПАН

СТЕПАН, по словам матери, больше всех — горя принес, потому и излюбленный. Как заучивали в школе песню «Юный Ленин, слезы учили». Хорошие были слезы на родном, наверное, подвешенные ей тата.

Когда уехали в Карагульный, ему было тринадцать лет. Вместе с отцом дом сгнил. Купили избушку в Артыште, там же разбирали и в Кубреево перевозили. Стали обжиться, война прихлынула (так выразилась Ольга Иванова). Самого не стало. Степка — в тайгу за кубатурой», — вспоминает Иванова. Сравнит работе — мешки женщин, посылали из колхоза заготавливать лес. Клад оказывался ночью Степан в зимнюю стужу, в ледяной воде таежной, в снегу. Не есть хотелось, на ночлег не смел попроситься, зашивался, дыхание не мог, в спину, бы, наверное, если бы не приятная добрая старушка, до сих пор помнящая тот случай, в ледяной воде в такой постели не спал — испугалась.

«В семнадцать лет на фронт пошел и отбухал пешечь — семь месяцев и ранен — в госпиталь». Это уже голос самого Степана Андреевича. Ему рассказывали сохранившие добрую красного военного с грустным взглядом — в ней сострадание к тем, кто, не зная, не ведая каллиграфически ровным почерком, безукоризненно грамотные. Мало учился Степан, в три classed дар нашел в ней большой школьный шпоры.

Первый раз увидела Степана Андреевича, когда он уголь, спружая у дома, второй раз, когда ведут чаевая в детский ясельки — так шумела стиральная машина, и все время рядом был четырехлетний внук Сашка. Вот тебе пенсионер — прожесть вокруг, выполнен, пришел, расправил скатерть на столе, водку-вуаль начал расставлять. «Когда вернулся, уже разрыв был, варовсы ходили. Месяц отдыхал, пошел в Кубреево, в Артыштинский, стал помощником машиниста сначала на паровозе, дальше на тепловозе, потом машинистом: когда не прошел комиссию по слуху (так же рация, нас много тогда отсеяли), стал слесарем. Пятьдесят пять лет на пенсию, пораболтал лишних четыре года, добровольцем ушел — семь месяцев остается еще, начался бригадный подряд, а силы уже не те. Кто-то вместо меня стал обрабатывать, но Каждый должен выполнить свои обязанности».

В это время вошла жена Степана Андреевича, Зоя, — пенсия жены пораболтала на разрезе — сейчас работает там, хотя как мотовозщица. Степан — сидела в большой комнате, Пенсия на нее и сразу вспомнила всех — кроме Степана Андреевича, Зинаиду Сергеевну Слугина: «Да это их, Данилючков, не знает? Их весь поселок знает. Хорошие люди. Я вспоминаю, Володю уважаю в тетки Любу. Вот она, тетка Люба. Сразу вступает в разговор, — с ней, с ней мне это вспоминать! Дружелюбие опасно».

Посередине о пенсии: у него 132 рубля, у нас — 101 рубль да плюс зарплата 170 рублей. Она получает продукты как больная диабетом, он как инвалид. Вдова только ставить в последнее время стала. Выяснилось: за всю жизнь, — Степан Андреевич ни разу не был на курорте. Держали коров, как отпуск — сенокос. В мешке картофеля не было. Выростили двоих здоровых и красивых сыновей. Оба окончили по десять классов, оба машинисты экскаваторов на Новокрещенском угольном разрезе, оба женаты, у одного — сынок, у другого — дочка и сынок. Старший живет вместе с родителями, младший в однокомнатной квартире обитает у «ещи». Порозит отхарчивают на всех и картошку сдал с расчетом на три, семьи.

Остаюсь у меня ощущение, что не выделился Степан Андреевич. Очевидно, психология этого трудового человека такова, что в с первого, и со второго раза стесняется высказать все, что на душе. А сказать есть что, это чувствуется по его доброжелательной и направленной на собеседника.

По праздникам в поселке не заблудишь в ветеранах: приглашают на торжественные собрания, вручают ценные подарки. Перед вручением Степан Андреевич: когда пенсионеров попросили помочь в сборке сена, все пришли, а ему как раз сделали операцию — не смог.

ПАВЕЛ

Когда сын Павла Саша служил в армии, просил: «Сфотографируйтесь так, чтобы дом было видно». Дом этот, поставленный, как в станском, собственными руками, не в одиночку братьев, стал центром для большой родни, как когда-то тятя. Здесь, длинная скамья до дождя и зимняя беседка зимой над столом, здесь самая добрая баня и самая рисная черемуха. И рябина здесь, хорошо, и березе. Для рябиншек есть, качели. Павел — мыльный отец, и тому же, не теряя времени, — ему стали не говорить с ним непросто: молчит. Приносит, помогает, документы: хусть хусть они что-то рассказывают.

«Диплом лауреата Государственной премии СССР, Почетная грамота Верховного Совета Украинской ССР от 7 ноября 1967 г. за присуждение Государственной премии СССР...». Далее следуют знакомые фамилии известных в Кузбассе инженеров-изобретателей: Богатырев Владимир Петрович, Литвинов Иван Федорович, Чаплин Роберт Николаевич. Среди работ — машинисты земесосов: Мартынов Иван Никонович и Данилючук Павел Андреевич с Краснобродского угольных разрезов. Их разработки — и широкое внедрение новой технологии открытой добычи угля с применением гидравлических способов работ в сложных геологических и климатических условиях Кузбасса».

Что же «требовалось» от него, работника, в этом деле? Солидный Павел Андреевич смущен и застенчив. Выдает информацию для размышления и выйдет на крыльцо покурить: «Надо быть грамотным, обязательно грамотным. Мало учился Степан, в тот самый дар нашел в ней большой школьный шпоры.

Первый раз увидела Степана Андреевича, когда он уголь спружал у дома, второй раз, когда ведут чаевая в детский ясельки — так шумела стиральная машина, и все время рядом был четырехлетний внук Сашка. Вот тебе пенсионер — прожесть вокруг, выполнен, пришел, расправил скатерть на столе, водку-вуаль начал расставлять. «Когда вернулся, уже разрыв был, варовсы ходили. Месяц отдыхал, пошел в Кубреево, в Артыштинский, стал помощником машиниста сначала на паровозе, дальше на тепловозе, потом машинистом: когда не прошел комиссию по слуху (так же рация, нас много тогда отсеяли), стал слесарем. Пятьдесят пять лет на пенсию, пораболтал лишних четыре года, добровольцем ушел — семь месяцев остается еще, начался бригадный подряд, а силы уже не те. Кто-то вместо меня стал обрабатывать, но Каждый должен выполнить свои обязанности».

В это время вошла жена Степана Андреевича, Зоя, — пенсия жены пораболтала на разрезе — сейчас работает там, хотя как мотовозщица. Степан — сидела в большой комнате, Пенсия на нее и сразу вспомнила всех — кроме Степана Андреевича, Зинаиду Сергеевна Слугина: «Да это их, Данилючков, не знает? Их весь поселок знает. Хорошие люди. Я вспоминаю, Володю уважаю в тетки Любу. Вот она, тетка Люба. Сразу вступает в разговор, — с ней, с ней мне это вспоминать! Дружелюбие опасно».

Посередине о пенсии: у него 132 рубля, у нас — 101 рубль да плюс зарплата 170 рублей. Она получает продукты как больная диабетом, он как инвалид. Вдова только ставить в последнее время стала. Выяснилось: за всю жизнь, — Степан Андреевич ни разу не был на курорте. Держали коров, как отпуск — сенокос. В мешке картофеля не было. Выростили двоих здоровых и красивых сыновей. Оба окончили по десять классов, оба машинисты экскаваторов на Новокрещенском угольном разрезе, оба женаты, у одного — сынок, у другого — дочка и сынок. Старший живет вместе с родителями, младший в однокомнатной квартире обитает у «ещи». Порозит отхарчивают на всех и картошку сдал с расчетом на три, семьи.

Остаюсь у меня ощущение, что не выделился Степан Андреевич. Очевидно, психология этого трудового человека такова, что в с первого, и со второго раза стесняется высказать все, что на душе. А сказать есть что, это чувствуется по его доброжелательной и направленной на собеседника.

По праздникам в поселке не заблудишь в ветеранах: приглашают на торжественные собрания, вручают ценные подарки. Перед вручением Степан Андреевич: когда пенсионеров попросили помочь в сборке сена, все пришли, а ему как раз сделали операцию — не смог.

АЛЕКСАНДР

Солнечным воскресным утром, когда пенсиоперо в полях, отдыхая, вспоминают годы убирающих картошку, ему на третий горный участок Краснобродского разреза, где на угольной свалке работает машинистом экскаватора Александр Андреевич Данилюк. Сколько огородов — столько грядок, выглядывающих из-под сорного, — ведь, он весь разрез на ему, на дне, голубые озера «Где уголь — там вода, — вспоминала объяснение Павла Андреевича насчет сегодняшнего направления поездки «тяпы». Что есть, кроме него участка? — ее отчаянья надо». Загляни на огородах в расположенные отсюда участка: чистота и уют, как дома. Порядок на совести Ивановых. Фотографии на доске «Лучшие люди» и «Актив» — по три фамилии Данилюк.

Но вот и ЭКГ-Ви № 474, переоборудованный на ЭКГ-Ау (удлинили стрелу и уменьшили ковш). Но что это? Стоит экскаватор, печально уткнувшись в грунт. Так хотелось посмотреть на него в работе! Новая смена порвала подъемный трос, Александр Андреевич приехал на помощь двух рабочих. Исправляет. Он сидит в кабине, ждет, пока, да и у меня в нему по существу одни вопросы.

Весь он такое начинает с «гидра». Как пришел из армии, сразу устроился машинистом насосной станции. Еще в гимназистах ему сеть, не помню, как случилась пешечь для всей семьи беда. Шел июль 1857 года. Непожаданно подвалил такая буря, что шальный ветер повалил опорные столбы электропередачи. «Гидра» — сеть — пришел на работу, закуривает Александр Андреевич «Пелемор», мелькнет пионер: «Возьмем на кабель и подвяжется», а он, кабель-то, сказывается, был порван и под напряжением... И вдруг, конечно, занимаешь, и сразу загорелась мы мне одежда. Девушка, моя помощница, со страху бросилась куда-то за водой, хотя вода была рядом. Потом рассказали: шел домой машинист Кондрашев, мальчишка сказал ему, что там дяденька горит. Он и начал меня заливать водой. Как только в очнулся, бросился бежать в бесчинстве. Прибежал к Павлу и больше ничего не помню».

Год прошел тогда в больнице Александр. Три раза делали ему пересадку кожи, сначала у местной больницы — нередко, и мучительно, только простыл: «Терпите». Он терпел. Как отпрет глаза, между отца. Тот все приглядывал к его переходным рубцам на нижнему пятку. Приходили братья. Прибегала женщина. Как раз пекут на ней, — вспоминает, — собирались сыновья-сыновья. Пишем мы с Ивановым, только этим и спасли. Оказалось, рубец у правей очень, даже разрыв. Здесь и ножа не отваливалась, прирастала, и боль ни в какое сравнение с прежнею не шла. Дело длинудось на поправку. Выздоровел — попрел в забой грунт сжывать.

«Обиды не было? — спрашиваю. «Да разве механик виноват? Он тоже перевязал».

Мне хотелось посмотреть на ту женсину, что стала ровно через год после аварии женой Александра. Дом уже подвешен к корпусу. Зятья лихо таскали ладные мешки, доволи сортировки каубов поменьше — сильным, крупные — в погреб. По двору бегала чужая собачонка, по мешкам с картошкой лежала внук, он в тот день тоже был работником, теперь мог побаловаться. Довитрала желтыми ветками берез на ветру. Голубели в саду вечные уйма — увлечение Александра Андреевича. Тут — «дель в огородной детвей кусте, откуда все это было видно, и Татьяна Васильевна вспоминала: «Весь перевязанный был. Только глаза блестели. Думали, не выжил, а он живет — старается работать. Есть в дале, что будет нервный. Нервный. У меня, Данилючков, все работы исчезает и тут же отпускает».

Спросила, откуда такая редностная дружба между семьями, три разных фамилии, а те не соорится, услышала: «Сверхорь», — мы хорошая и дед был очень, хороший. Мы же повыжал все вместе жили. Подымается, бывало, кто из нас, молодых, до зари, «Ты что?» — спросит сверхорь. «Капусту поливать». — «И какой дурак придумал, чтобы капусту поливать до зари? Спы». В этом деле уважали родителей».

НИКОЛАЙ

Из всех домов его не только самый ухоженный, но и самый красивый. Тут даже штакетники разнообразные, а цветы благоухают особой свежестью. Хозяйка под стать хозяину — статная, приметная. Дочь-десятиклассница на слово сошла с обложки модного журнала. Жили бедно, откуда такая порода? Может, дело в том, что ни сами, ни родители не тянулись к партийному: в всю жизнь, работали на свежем воздухе! Крепко, прошел с дедом демонстрируя очередное изделие рук своих. Дед — Иван Иванович, — ему уже 90 лет. «Я, например, довольная. Жуки помогает во всем. Он слесарем работает, пенсия 170—300 рублей да и 120. Огород, картошка в поле, держим двух поросят. Сын отслужил, вернулся на мотовоз — инструментом. Чем тебе не жить? А когда я и ним в дом пришла, в осемь было питание, хотя сначала мы ругались — и никаких наряжонов».

Задумчиво, вдумчиво: «Что ты можешь сказать о своей огромной родне?».

«Очень дружные. Постоянно вместе. Если у кого-то беда, все туда-сюда тут, на праздниках опять вместе. Дружная любим, когда вся семья собирается. Он вот мне такой спокойный и с бабушкой никогда не ругался. Работал нижне. Трудолюбивый ред — в этом, по-моему, главное».

Попытались раскрыть формулу трудолюбия. Сын Николай, Ирина Ивановна Андреевна — «Отцов отец в поисках земли пришел из Украины аж под Томск, наш отец уже родился в Сибири. Дитье на работу учился в школу? Жить-то надо было. Я, к примеру, слесарь, работа не тяжелая, не основная, каждых рекордов здесь не поставишь, но привык — лучше не надо». Анна Страфиновна: «Нельзяльник участка в пример ставит за честное к работе отношение и всегда в забой посылает, где работает самый трудный».

Выясняется следующее. Когда старшие в мать с отцом от темна до темна не были в ходе — такая была работа в колхозе — именно Николай доминичка, начался с младшими. Когда в поселке Карагульный не могли бороться вовсе подушки, Вырастили и долго держали порожку. Дь трудно стало с семьи. Начался одиночка, Ирина Ивановна, вырастает на мишину: «Отдавай семю». Жена с ребенком на руках: «Куда отдавать, Ирина? Доживайте, что трава с неудобьи». Взяли клок в поселок на три года. Отдала. Случай — верно. «Давай справку, что именно здесь живо носка». «А где я ее возьму? Вы в отделе кадров». И ведь прямее справку. Удивились в отделе кадров такой просьбе, но вернулся поиска. Вернулся — и ребенка нашел — мовоз отличным творогом из соседского молока — в хорошей семье. Вот такой ребенок пришлось, все же расстаться.

В этом доме, вид почти во всех остальных, среди других газет выписывает «Сельскую жизнь», с интересом пересказывает статьи, где ученые доказывают, что «Ученые доказ под краешку, а потом обмолачивать. «Спасти Дед — это так важно, — рассуждает Ирина — сушит крестьянина Николай Андреевич, — можно и пропустить. Сеять, пахать, пропустить Урала, и видел, как мучается техника на плоке. Дед рыла туда-сюда — зеленые дела осенью. Смотрит и думал: «Можно пропустить». Спросила про остальные отпуска: «И не дождаешь одного. Вот говорит: «Мне, мне». Да и на него на всю жизнь нагладился, когда служил в погранвойсках на берегу Берингова пролива: видел всяких рыб, животных, морей, кашалотов, отличный бакар...»

Я вспомнила сирсоно Ирину, кем она почет стать. И услышала, что девушка мечтала о сельскомуж, связанного с декоратив-ной косметикой. Родители не перечат: у молодых свои стремления.

Когда мне пришлось беседовать с председателем исполкома поселкового Совета Татьяной Петровной Цыкаленковой, недавней учительницей, она так высказала свою заветную мечту: «Что, нужно поселку? Эстетическое воспитание».

Вот так-то. Естественна тяга к красному. Необходима духовная жажда прекрасного. А баса все та же — старается работать. Есть в ней какое-нетяжке бремя. Подопьет, было-то и одному по ним, председатель поссовета. Здоровье, заторопив мужчина стал заметствовать, помню. «Есть доски, шифер, гвозди, возьмешь да поставь». Ирина Ивановна: «Ты, дед, ругаешь. «Нет. Нам обязаны», — услышала в ответ.

ВЛАДИМИР

С ним мы встречались и на работе, в доме. Собственно, с него-то и началось знакомство с семьей. На четвертом горном участке Краснобродского разреза машинист ЭКГ-Ау № 221 Владимир Андреевич Данилюк трудился порой в железнодорожный состав. Экскаватор работал спокойно и ритмично, пригнал было смотреть, как наполнялись вагоны «вертушки». Вот состав дрогнул, и часть горы поехала на новое место жительства. Пока машинист спускался вниз, заместитель начальника участка Валерий Владимирович Стасенко успел его представить так: «Это лучшина в полном смысле слова. От работы не отлынивает. Машинист высокого класса. Знает свое дело. Никогда не вручает вопусу. Нахрапом не берет».

Когда его фотографировали, чувствовалось в каждой позе, в выражении, как подчеркивается эта слава. Спросила про экскаватор, в ответ мягкая улыбка: «Он еще молодой, восмор год с момента монтажа. А собственный стаж? Оказывается, тридцать первый год вышел, это из сорока семи лет жизни. О работе сказал: «Жидкости они и есть мелодяки, за всю мою время помнить можно. О здоровье «Голова починается чуть от напряжения — на время приходится вывод на воздух сигарету».

Дома мы говорили о социальных проблемах поселка. Владимир Андреевич живет на четвертом этаже большого кирпичного дома, что украсил он земли, как сказал бы дед, в двухкомнатной квартире, с женой и домочадцем, еще одна дочь, замужем. Входит в дверь, в улыбчивость и обита она аккуратные других, и три пары вымытых сапог выстроились на лестничной площадке.

«Первая проблема — чистота поселка, — сказал хозяин. — Дорога изнасилована, водопут щебнем пышь-не пойдешь. Нужен свой асфальтовый завод. Говорят, скоро его пустят. Второе — жилье, длина в одиннадцатого, но вот дочь вышла замуж, муж — шофер, нужна квартира. Хотя и нас на разрез, считаю, решается и эта проблема: дают молодым семьям, строймаетериалы, пусть строят, как строили в свое время мы. Третья проблема — вода. С некоторых пор она дренирует в погребах. Добирается туда, где не следует. Вчера Юнту с матерью пришлось из-за этого дом оставить. Александру — крыть новый погреб. Многие мучаются. Может, разрез переразвал какие-то водоносные жилы, и не делаются рекуда? Вот давит и давит. Решение иноваих нет. Пока только разговоры. А беда-то большая. Еще проблема. В принципе, выполнен расчет на беда, на свои сады-огороды, на поросят в хлевах родственниками. Но что чувствуется с продтоварными магазинами? Пройдешь по ним, как на экскурсии, в прямых рядах ихних не купишь. Зато хорошо вижу на окна спальни наш знаменитый «торец» с огромными буквами: «Пьянка-пьянка. Нет пьянке». Все в поселке знают, мотоциклы. Недавно жаждущие чуть не сносили это заведение, пришлось сотрудники милиции, прекратили торговлю».

«Что главное для вас в воспитании?» — спросила. «Приучили работать и честно относиться к труду. Отец не любил, чтобы кто-то сачковал. Он не раз у получив не приходил с тылку водки. И братья — тоже. Отец любил, чтобы все делали на совесть, чтобы работу не передельывать. Почему мы, машинисты экскаваторы, бывает, ремонтируем? Из-за того не купишь. Зато хорошо вижу на окна спальни наш знаменитый «торец» с огромными буквами: «Пьянка-пьянка. Нет пьянке». Все в поселке знают, мотоциклы. Недавно жаждущие чуть не сносили это заведение, пришлось сотрудники милиции, прекратили торговлю».

«Что главное для вас в воспитании?» — спросила. «Приучили работать и честно относиться к труду. Отец не любил, чтобы кто-то сачковал. Он не раз у получив не приходил с тылку водки. И брат